

нов и молитв, но и его редакции литургии, Учительного Евангелия, а также прозаического «Предания своему его ученику»).

Своими гимнами и молитвами Филофей имел, несомненно, влияние на направление и характер однородного творчества славянских авторов, в первую очередь своих ближайших последователей — таких как Евфимий Тырновский и митрополит Киприан. Но кое в чем его литературное воздействие распространялось гораздо более широко. Сравнительно недавно в научной литературе была высказана интересная мысль о том, что агиографический стиль «плетения словес» был в церковнославянской литературе выработан под воздействием стиля переводных гимнографических произведений трех константинопольских патриархов, защитников исихазма — Исидора, Каллиста и Филофея.⁶⁴ Уверенней судить об этом можно будет лишь тогда, когда мы будем больше знать об этих переводах.

Одно из литургических нововведений Филофея вызвало на Руси чуть ли не особый жанр: О. Антонин (Капустин?) в XIX в. нашел в славянской Псалтыри на Афоне перечисление полиелейных «припелов» к стихам псалмов, озаглавленное как «Творение кир Филофея» и «любопытное для нас, — как он пишет, — тем, что оно предварило собою наши так называемые „величания“, неизвестные ни у греков, ни у южных славян».⁶⁵

Переводы гимнов и молитв патриарха Филофея являлись для современников на Руси литературным дополнением живописных работ Феофана Грека, Андрея Рублева. Эти тексты читались и пелись перед иконами и фресками во времена татарских набегов, княжеских междоусобиц, болезней, голода, засух, пожаров, при эпидемиях, «в общих напастех», в дни целого ряда праздников и в будни — соборно, в храме, и у себя, «от единого наедине». Заметно пополнив нашу литературу и сыграв активную роль в общественном сознании в эпоху Куликовской битвы, молитвенно-словная поэзия патриарха Филофея, вместе с родственной ей живописью Феофана Грека, легла в основание одной из самых поздних «средневековых» культур Европы — культуры допетровской Руси.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПАТРИАРХА ФИЛОФЕЯ, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ НА СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК¹

I. Гимны

1. Каноны ко времени бездождия и в бездождие.

а) Богородице. Акrostих: Εὐχαῖς τῶν αὐχμῶν λύσον ἡμῶν, Κυρία. В богородичных: Φιλοθέου. — ГИМ, Синод. греч., 431 (349), XIV в., лл. 14—16, 58—60.

Последование, певаемо к богородице о бездождии. Творение Филофея, патриарха Константинограда. Переведен же бысть на русский язык от многогрешнаго Феодора недостойнаго, рекше и первопрезвитера («В печалех, владычице, помощницу, избавление в бедах...»). — 1) ГИМ, Синод., 501 (468), Канонник, 1457 г., лл. 149 об.—155;

⁶⁴ R. Mathiesen. Nota sul genere acatistico e sulla letteratura agiografica slava ecclesiastica nel XIV e XV secolo. — «Ricerche slavistiche», vol. XIII, 1965, pp. 57—63.

⁶⁵ Труды Киевской духовной академии, 1963, январь, стр. 40. Здесь напечатаны и сами «припелы». Кроме того, их можно найти, как указала мне болгарская исследовательница Кл. Константинова, приписанными на полях лл. 102—122 рукописи ГПБ, F. I, 738, Псалтирь с воследованием, XV в. В болгарской литургической поэзии XIV в. недавно обнаружены «припелы» в службе св. Параскеве; см.: Ст. Кожухаров. Неизвестно произведение на старобългарската поезия. — В сб.: Старобългарска литература. Изследования и материали. I. София, 1971, стр. 319—322.

¹ Данные о греческом оригинале, если они известны, помещаются перед данными о славянских списках.